

© 2010 г. Е.Н. Чернова

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

На примере различных концепций определяется место и роль информационного общества в современном социальном теоретизировании. Анализируются характер и значение основных научных трудов, посвященных информатизации общественных процессов. Выделен социально-философский аспект проблематики информационного общества как основанной на технологическом детерминизме интерпретации социального прогресса. Делается вывод о значении критической оценки постиндустриальных и информационных концепций в социальном познании.

Ключевые слова: информационное общество, социальная теория, технологический детерминизм, общественный прогресс.

На сегодняшний день насчитывается несколько десятков концепций, описывающих трансформацию общества под влиянием информационной революции, а также проведено множество обобщающих и критических исследований этих концепций зарубежными и российскими специалистами. Чаще всего звучит мнение, что базой для теоретических представлений об информационном обществе считается концепция постиндустриального общества Д. Белла, рассматривающая воздействие прогресса знаний и технологии на прогресс всего общества. В явном виде идея информационного общества в работах Белла не прослеживается, хотя он и называет кодификацию теоретического знания базовым принципом нового социального порядка. Инновации являются продуктом теоретической науки и обеспечивают дальнейший прогресс. По-нашему мнению, игнорирование существенных различий между теоретическим знанием и информацией позволяет причислить постиндустриалиста Белла к теоретикам информационного общества, но лишь формально.

Исследованиями информационного общества социально-философской направленности, собственно его структуры, особенностей и детерминантов развития, являются труды И. Масуды «Информационное общество как пост-

индустриальное общество» (1981), Э. Тоффлера «Третья волна» (1980), М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996-1998). Эти работы рассматривают новое общество в целостности и взаимосвязи его сторон, личности, культуры, технологии, экономики и т.д., а также учитывают ценностные критерии и нормативные ориентации. Эти фундаментальные труды задают мировоззренческие, ценностные ориентиры научно-теоретического анализа социальной реальности.

Так, М. Кастельс утверждает, что переход к обществу информационной эпохи не охватывает только технологию и экономику. «Он также охватывает мораль, культуру, идеи, а также институциональную и политическую структуру общества. Он означает подлинную трансформацию всей человеческой жизни» [1]. Концепция сетевого общества М. Кастельса исходит из понимания информации как основы социальной организации. Социальные структуры Кастельс представляет как сетевые структуры, усматривая в этом новую социальную морфологию. Растущие оперативность, мобильность и гибкость, затронувшие все сферы жизнедеятельности человека, делают естественным переход к сетевым формам социальной организации: сетевое предприятие в экономике, интерактивная политическая система, единая информационная сеть Интернет. И. Масуда сформулировал основополагающие начала грядущего общества:

- основой нового общества будет являться компьютерная технология, которая призвана замещать либо усиливать умственный труд человека;
- информационная революция превратится в новую производительную силу общества;
- в новом обществе станет возможным массовое производство когнитивной, систематизированной информации, технологии и знания;
- точкой насыщения рынка станет «граница познанного»;
- возрастет возможность сотрудничества, совместного решения проблем;
- ведущей отраслью экономики станет интеллектуальное (наукоемкое) производство;
- в информационном обществе основным субъектом социальной активности станет «свободное сообщество»;

- основной целью в новом обществе будет реализация «ценности времени» [2].

Другие авторы, на наш взгляд, сосредотачивают свое внимание на отдельных сторонах, факторах современного развития: экономических (П. Дракер, Ф. Махлуп, М. Порат, Т. Стоуньер, В.Л. Иноземцев и др.), технологических (З. Бжезинский, С. Лэш и др.), культурных (З. Бауман, Ж. Бодрийяр и др.). Они описывают характерные изменения, тенденции, но не отражают конфликта, движущего развитием информационного общества. Так, В 1962 г. Ф. Махлуп впервые выделил в экономике США сектор «производства и распространения знаний», ввел в оборот термин «экономика знаний», а М. Порат в 1977 г. впервые заговорил об «информационной экономике» [3].

Первые исследователи информационного общества были нацелены на поиск и обобщение его признаков. Позднее теоретики сосредоточились на прогнозах перспектив этого общества, что привело к появлению футурологических работ, в первую очередь «Информационное общество как постиндустриальное общество» И. Масуды в 1981 г. Социально-философская рефлексия в данном труде утопична, потому что Масуда выразил мечту об «обществе, в котором будет процветать человеческое интеллектуальное творчество, а не обильное материальное потребление» [4]. Информационное общество у Т. Стоуньера – это эра изобилия. В нем «каждый – аристократ, каждый – философ» [4]. Если в позднем индустриальном обществе мы перестанем беспокоиться о продовольствии, то в позднем коммуникативном обществе мы перестанем беспокоиться о материальных нуждах. И так же, как индустриальное общество уничтожило рабство, голод и эпидемии, постиндустриальная экономика уничтожит авторитаризм, войну и раздор. Впервые в истории наша скорость разрешения проблем превысит скорость их появления.

Информационное общество нередко предстает как развитое капиталистическое общество. П. Дракер говорит о доминировании информационного капитализма, М. Кастельс – об информациональном капитализме, информационализме, Г. Шиллер – о развитом капитализме. Информация и средства ее распространения удовлетворяют в первую очередь нужды капиталистической системы. Защита информационной добавленной стоимости в продуктах – один из ключевых элементов внешнеэкономической политики развитого мира, а знание становится естественным источником долговременного устой-

чивого конкурентного преимущества. Экономический прогресс стал определяться информационными ресурсами, которые не могут быть оценены в традиционных стоимостных категориях. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов рассматривают информационное общество как превращенную форму «креатосферы» – мира постэкономической жизни, основанной на творческой деятельности. По их мнению, в современном мире знания и профессионализм используются для прогресса исключительно материального производства и утилитарного потребления, а построение информационного общества в целом подчинено далекой от креатосферы цели – прогрессу капитала [5].

В ряде исследований, напротив, утверждается, что информационная эпоха – это стадия преодоления капитализма, то есть период становление нового социально-экономического порядка. В.Л. Иноземцев говорит о том, что информационные ресурсы и технологии продвигают нас в «постэкономическое общество», в котором совершен переход от труда как экономически мотивированной деятельности к творчеству, целью которого выступает самореализация личности [6]. По нашему мнению, можно сгруппировать теории, сосредоточенные на изменениях, главным образом, в общественном сознании, чувствах, настроениях, ожиданиях от будущего (Э. Гидденс, У. Бек, З. Бауман, Ж. Бодрийар). Сюда же отнесем все постмодернистские концепции, особенно в части, где делается акцент на трансформацию культуры в связи с распространением информационно-коммуникационных технологий. У. Бек говорит об «обществе риска», которое он осмысливает, основываясь на данных опыта, «на том, что мы видим своими глазами» [7]. Общество риска сталкивается с проблемой распространения рисков, происходящих из технической и научной сфер. Информационная революция несет с собой неопределенность и нестабильность, в том числе в экономике и политической сфере. Экономическое благосостояние теперь зависит от информационных ресурсов, сама природа которых порождает ситуацию непредсказуемых перемен. С. Лэш также отмечает, что информационное общество характеризуется нарастающей неопределенностью, причина которой в бесконтрольном распространении информационных потоков [8].

Роль информации и знания изменяется не только в общественном измерении, но и в личностном. Э. Гидденс, разработавший концепцию «рефлексивной модернизации», говорит об интенсифицированной рефлексивности, ха-

ракторной для современных обществ, которая является условием осуществления выбора в обществе риска [9]. Согласно его теории, мы создаем материальные и социальные условия нашей жизни на основе абстрактного знания, получаемого из СМИ и образовательных учреждений. Имея широкий доступ к любой информации, мы выбираем стиль жизни, религию, модели поведения, при этом возможности выбора в развитом обществе не ограничены территориальными, традиционными и иными факторами. Увеличение возможности выбора в свою очередь требует повышения рефлексивности, все более тщательного отслеживания ситуации на основе сбора и переработки информации. Так, экологическая ситуация современности мыслится нами в абстрактных понятиях «глобального потепления», «устойчивого развития», «пределов роста». Теоретические модели все чаще становятся ориентиром для практики, в том числе и обыденной.

Концепция информационного общества неоднократно критиковалась специалистами не только за излишний технократизм, но и за отказ от анализа социальной эволюции и фактическое противопоставление информационного общества всем известным формам его хозяйственной организации. Р. Бэдхем критикует теоретиков постиндустриализма за то, что они ставят общественный прогресс в непосредственную зависимость от развития науки и техники, что делает их концепции политически опасными. Основная методологическая проблема состоит в том, чтобы, признавая важность технологии, в то же время подчеркнуть центральное значение общественных отношений, определяющих направления ее развития, и социальных последствий этого развития. Только таким образом можно избежать как технологического детерминизма, так и недооценки роли технологического развития.

Мы определяем переход к информационному обществу как качественный скачок в социальной эволюции, иначе вся концепция информационного общества теряет смысл. Социально-философский анализ общественного развития в данном случае направлен на осмысление противоречий, разрешение которых воплощается в глобальной информатизации и компьютеризации современного мира. Одни исследователи сосредотачиваются на принципиальной новизне, разрыве с прошлым, другие – отстаивают преемственность в развитии, редуцируя все изменения к прошлым, отрицая сущностную новизну общественных процессов. Но с философской точки зрения – это две стороны

процесса развития, когда старое безусловно сохраняется в снятом виде в новом. Главное, на наш взгляд, условие познания современного общества именно как информационного, заключается в избрании метода, позволяющего осмысливать общество в его целостности, а не в отрыве науки от технологии, информации от знания, капиталистических отношений от информационной экономики. Взаимосвязь и взаимообусловленность всех сфер и сторон социума, когда изменения в одной детерминируют изменения в других, когда вхождение в информационное общество становится самодетерминируемым, закономерным, позволяет нам говорить о новой социальной реальности.

Однако, если даже в отношении постиндустриального общества Д.Белл утверждал, что оно не замещает индустриальное и даже аграрное общество, а вносит в него новое измерение (возросшую роль теоретических знаний), то мы не можем утверждать, что информационное общество – это не капиталистическое общество, или не демократия, и анализировать его в терминах и понятиях, возникших лишь в период информационной революции. Например, С. Спличал с целью изучения социальных последствий распространения информационных технологий предлагает синтез концепции гражданского общества и критики информационного общества, понимаемого узко как общество, в котором нарастающие потоки информации, циркулирующие посредством информационно-коммуникационных технологий, стимулируют экономический рост [10].

Критический анализ таких авторов, как Г. Шиллер, М. Альетта, А. Липиц, Д. Харви, Ю. Хабермас, Н. Гарнэм наводит на мысль, не является ли информационное общество просто-напросто капиталистическим порядком с более совершенными технологиями, более высокой степенью организации и более эффективным управлением? В этом случае сущностная новизна информационного общества остается не проясненной. Примечательно, что дискуссия приверженцев и противников новизны информационного общества длится уже более 50 лет, в то время как информатизация общества интенсифицируется, становится объективной реальностью и необходимостью в современном глобализирующемся мире. Противники новизны информационного общества, чаще всего оперируя конкретно-историческим подходом, стараются «развенчать» миф информации, отводя концепции информационного общества роль научной публицистики и футурологии, либо политической идеоло-

гии развитых стран. Критика концепции информационного общества наиболее целостно может быть представлена мнением советских исследователей. В отечественной социальной мысли до середины 80-х гг. XX в. концепция информационного общества рассматривалась как псевдонаучная теория (Буданцев Ю.П., Семенюк Э.П., Суханов А.П. и др.). Не замечая общечеловеческих и глобальных аспектов концепции информатизации, они делали акцент на критике западных учений.

Советская философия, разумеется, отказывала постиндустриальным теориям прогресса в претензии на универсальность. Отмечалось, что прогресс в них осмысливается как начинающееся в прошлом постепенное нарастание тенденций, которые привели к возникновению западного капиталистического общества, которое в будущем распространит свою культуру по всему миру. В советской науке превалировала оценка концепций информационного общества как сугубо сциентистских или техницистских. Суть этих оценок такова, что в гносеологическом плане теории информационного общества являются апогеем познания общества с позиций культа научно-технического разума, зародившегося некогда в понятии «функциональной рациональности» М. Вебера. Хронология концепций информатизации прослеживается уже с 50-х гг. XX в., когда У. Ростоу, Д. Белл и др., обещая «общество всеобщего благоденствия», полагались на научно-технический разум как на ведущую силу прогрессивных общественных преобразований. Предполагалось, что научно-техническая рациональность проникнет во все сферы жизни общества, упорядочивая и гармонизируя социум. Власть и управление будут переданы в руки специалистов и экспертов – технократов. На 50-60-е гг. XX в. приходится время технократического оптимизма, веры в безудержный прогресс, стоит лишь только организовать общество по принципу научной рациональности. Кризис 70-80 гг. развеял научно-технический фанатизм, а теоретики стали с большим вниманием относиться к духовно-нравственным, психологическим, гуманистическим аспектам становления информационно-компьютерной цивилизации. В советской науке концепция информационного общества рассматривалась как преемница буржуазных индустриальных и постиндустриальных теорий, верная методам сциентизма и техницизма. Невзирая на то, что план-прогноз информационного общества И. Масуды, содержащий ценные теоретические построения, а также не без успеха

реализованный в Японии и других развитых странах, представляет позитивный интерес, советские социальные философы не увидели в нем ничего принципиально отличного от техницизма и сциентизма.

Критике подвергся и методологический аппарат исследований. Постиндустриальные теории, по мнению одного из советских философов, «на эмпирическом уровне описывают некоторые особенности современного общества в развитых капиталистических странах, прежде всего в США, а затем проецируют эти описания как на прошлое, так и на будущее, относя полученные результаты, соответственно, к макроистории и к футурологии» [11]. Утверждалось, что концепции западных ученых отличаются позитивистским подходом и описывают ряд тенденций, которые можно проследить на поверхности явлений, в то же время фундаментальные изменения в развитии социально-экономического и политического строя общества остаются упущенными. Отрицалась и принципиальная новизна постиндустриальных и информационных теорий, ведь «бедные и необученные всегда должны были делать более грязную и менее приятную работу, и это так же верно в отношении стран, как и в отношении людей» [11].

Следует отметить, что и в современных исследованиях от дальнейшей глобальной информатизации ожидают прямого и кардинального преобразования общественных отношений, собственности и власти, в то время как вопросы установления причинно-следственных связей, глубинных закономерностей, детерминирующих факторов в общественном развитии остаются еще недостаточно разработанными, и часто вообще не обозначенными. М. Арчер утверждает, что концепция информатизации является ничем иным, как «поздним расцветом третьей стадии Конта и, следовательно, вариантом позитивизма» [12]. Сегодня критика информационного подхода вполне сопоставима по своему объему с самими теоретическими построениями авторов данной теории. Основными недостатками теории были признаны технологический детерминизм, европоцентризм, утопичность. Крупнейший критик теорий информационного общества Ф. Уэбстер заключает: «Хотя в качестве эвристического термин «информационное общество» обладает некоторой ценностью для исследования основных характеристик современного мира, но иногда он все же не слишком точен, чтобы принять его как научную дефиницию» [13].

Как бы состоятельна ни была критика информационного общества, концепции его становления имеют под собой прочный эмпирический базис. Происходит действительное усиление роли фундаментальных наук, достигших высокой степени теоретизации, и они становятся источником наиболее прогрессивных инноваций – нанотехнологий, биотехнологий, информационно-коммуникационных технологий. Международное разделение труда сопровождается сосредоточением наукоемких производств в развитых странах (США, ЕС, Япония), ими поддерживается информационная зависимость остального мира. Налицо переход к производству информационного продукта, когда соотношение сырья, энергии, труда и информации в издержках производства изменяется в сторону информации. Теория информационного общества после инкорпорирования конструктивной критики, остается единственной системной методологией осмысления роли информационных технологий в социальной жизни. В мировоззренческом плане происходит переосмысление ценностей техногенной цивилизации, поиск альтернативных путей общественного развития, стремление к устойчивости развития, преодоление кризисных и регрессивных тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization: The Politics of The Third Wave. Atlanta: Turner Publishing. 1995.
2. *Masuda Y.* The Information Society as Post-industrial Society. Washington, 1981.
3. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in The United States. Princeton: Princeton University Press, 1962; *Porat M.* The Information Economy: Definition and Measurement. Washington, 1977.
4. *Stonier T.* The Wealth of Information: A Profile of the Post-Industrial Economy. London, 1983.
5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи // Постиндустриальный мир и Россия. М, 2001.

6. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.
7. *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. London, 1986.
8. *Lash S.* Critique of Information. London, 2002.
9. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991.
10. *Антипина О.Н.* Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М., 2009.
11. *Качановский Ю.В.* История и прогнозирование в работах футурологов гудзоновского института // Философские проблемы общественного прогресса. Горький, 1982.
12. *Воронина Т.П.* Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М., 1995.
13. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.

Саранский

кооперативный институт

14 декабря 2010 г.
